

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ Т.Н.ГРАНОВСКОГО*

Творческое наследие крупнейшего русского ученого Т.Н. Грановского (1813–1855), представленное преимущественно его публичными и университетскими лекциями по всеобщей истории, и по сей день не перестает привлекать внимание историков и философов как образец подлинной научности, строго следования научному методу и глубокого философско-исторического осмысления. Труды русского ученого-историка представляли собой новое явление в науке и благодаря привлечению философско-исторического дискурса для объяснения законов истории. По мнению Н.Г. Чернышевского «в форму академической речи, которая почти всегда остается набором незначительных общих фраз, Грановский внес глубокое и новое содержание и самостоятельную идею» [1, с. 363]. В его лекциях история представлялась как процесс, происходящий в соответствии с определенными законами диалектики – причем процесс этот имел определенную благоую цель: «всякая жизнь условлена борьбою противоположных сил, которая, наконец, заключается каким-нибудь продуктом, полезным для целого...» [2, с. 73].

Грановский положил начало не только научному подходу к изучению всеобщей истории в России. В своих лекциях Грановский призывал, что прежде нужно понять, что такое история, овладеть ее законами, осознать «идеи, связывающие воедино все многообразие фактических данных». По оценке Н.И. Кареева, Грановский «первым на кафедре всеобщей истории, который отрешался от взгляда на этот предмет, как на механическое соединение частных историй отдельных стран и народов, для того, чтобы возвыситься до всемирно-исторической точки зрения, до представления истории человечества, в недрах которой совершается единый по существу и по своей цели процесс духовного и общественного развития» [3, с. 2–3]. Дискурс его лекций становится философско-историческим, содержащим

---

* Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-03-00488а

понимание всеобщей истории как единого всемирно-исторического целого.

Проблемы философии истории, определение ее места и роли в развитии всеобщей истории всегда интересовали Грановского. Уже первый его университетский курс 1839 г. содержит немало общих рассуждений о взаимоотношениях истории с философией и другими науками. Достижение цельного взгляда на историю возможно, считал он, не иначе как в связи с философией. Во вступлении в свой первый университетский курс ученый уделяет внимание философии истории Дж. Вико, Кондорсэ, Гердера, Лессинга, Канта. А «Философия истории» Гегеля, считал он, открыла ему путь к постижению смысла человеческой истории, «давала именно высшую объединяющую мысль» [3, с.16–17]. Однако её понимание Грановским не совпадало с гегелевским понятием «всеобщей истории», как первым типом «рефлексивной истории», которая стремится обозреть всю историю какого-либо народа или даже мира и склонна к абстрактным обобщениям.

Ученый видел недостатки современной ему философии истории, отмечая, что «слабая сторона философии истории в том виде, в каком она существует в настоящее время, заключается, по нашему мнению, в приложении логических законов к отдельным периодам всеобщей истории. Осуществление этих законов может быть показано только в целом, а не в частях, как бы они ни были значительны» [4, с. 18]. Не принимая схематизма философии истории Гегеля, ученый считал, что исторический процесс не может вписаться в рамки априорных логических построений.

В университетской актовой речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852) Грановский в наиболее концентрированном виде излагает свое видение всеобщей истории и философии истории, где подчеркивает, что «ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история» [5, с. 20]. Высказав идею единства философии истории и всеобщей истории, ученый в то же время не принимает логицизм философии истории Гегеля. Проводя разграничение понятий всемирной истории и всеобщей истории, он ставил последнюю выше всемирной истории именно по причине того, что в отличие от всемирной истории, ориентированной на изучение истории отдельных стран и народов мира,

всеобщая история имеет своим предметом не весь род человеческий, а только общее, существенное в истории отдельных народов, поэтому всеобщая история не ограничивается эмпирическим описанием материала, но должна восходить от отдельных явлений к общему, к исторической закономерности. Методологическое основание такого восхождения от частного к общему Грановский видел во взаимосвязи всеобщей истории с философией. «Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление к всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиться» [6, с. 42]. Ученый убедительно показал, что само понятие всеобщей истории стало возможным лишь по мере культурного развития человечества и прежде всего философии. Философско-исторический дискурс ученого-историка открывает ему возможность сформулировать принципиально новое понимание всеобщей истории, которая «имеет по понятию своему предметом не весь род человеческий, а только общее, существенное в нем» [6, с. 47].

Подчеркивая взаимосвязь философии истории и всеобщей истории, ученый в то же время проводит четкую разграничительную линию между ними. Философия истории не может претендовать на главенствующую роль в сфере истории. Грановский подчеркивает, что «философия истории едва ли может быть предметом особенного, отдельного от всеобщей истории, изложения. Ей принадлежит по праву глава в феноменологии духа, но спускаясь в среду частных явлений, нисходя до их оценки, она уклоняется от настоящего своего призвания, заключающегося в определении общих законов, которым подчинена земная жизнь человечества, и неизбежных целей исторического развития» [4, с.19–20]. Всякое покушение с ее стороны подчинить случайность необходимости может привести к существенным ошибкам, придав истории фатальный характер. Одновременно ученый-историк хорошо понимал, что отказ от систематического мышления, к которому предрасполагает философия, превращает историю в простое «летописание».

До Грановского, как отмечал Кареев, «на историографию смотрели обыкновенно, как на искусство, как на один из родов, да и то не самых важных, изящной словесности. Авторы общих трактатов о том, что такое история, каковы её цели и средства, в ту эпоху ещё не были в состоянии

отрешиться от взгляда, роднившего историю с поэзией, хотя вместе с тем и искали, где же та граница, которая отделяет одну от другой...» [3, с. 12]. В.Г. Белинский, например, высказывал мысль, что исторический роман может даже вытеснить историю. Обосновывая статус истории как науки, Грановский указывает на необходимость выработки нового исторического дискурса. Он указывает, что «при настоящем состоянии истории она должна отказаться от притязаний на художественную окончательность формы, возможной только при строгой определенности содержания, и стремиться к другой цели, то есть к приведению разнородных стихий своих под одно единство науки» [5, с. 7]. Более того, он полагал, что история «должна выступить из круга наук филолого-юридических, в котором она так долго была заключена, на обширное поприще естественных наук. Ей нельзя более уклоняться от решения вопросов, с которыми связаны не только тайны прошедшего, но и доступное человеку понимание будущего. Действуя заодно с антропологией, она должна обозначить границы, до которых достигали в развитии своем породы человечества, и показать нам их отличительные, данные природою и проявленные в движении свойства. Каков бы ни был окончательный вывод этих исследований, имеющих, может быть, обнаружить историческое бессилие целых пород, не призванных к благороднейшим формам гражданской жизни, он принесет несомненную пользу науке, ибо сообщит ей большую положительность и точность» [5, с. 10].

Философско-исторический дискурс всеобщей истории Т.Н. Грановского разительно отличался от современных ему отечественных и европейских работ, которые находились в рамках преимущественно исторической гносеологии, ориентированной на философские установки западноевропейского происхождения. Однако это ограничение философии истории рамками гносеологического подхода, как справедливо отмечают современные исследователи, было равнозначным отказу ей в праве на самостоятельное существование [7]. В философии истории Т.Н. Грановского эпистемологические аспекты всеобщей истории выстроены на вполне определенном онтологическом основании, в качестве которых, по словам самого историка, выступает «живая действительность». Понимание всеобщей истории, обращенной к жизни человечества во всем его многообразии и многосторонности, позволяла

ученому всегда твердо стоять на конкретной исторической почве и не поступаться жизненностью конкретных фактов ради отвлеченных схем. Ученый-историк подчеркивает, что если всемирная история имеет дело с событиями в их связи между собой и носит эмпирический характер, то всеобщая история – это «биография человечества», а философия истории своим предметом имеет историческое измерение человеческого бытия, включающее историческое познание «бытия», настоящего и будущего. Философии истории стало "вменяться в обязанность" исследование оснований исторического знания и специфики истории как понимающей и объясняющей науки.

Унаследовав из «Философии истории» Гегеля новый подход к историческому познанию, Грановский отказывается от гегелевского противопоставления «исторических» и «неисторических» народов. Русский ученый отстаивает ту точку зрения, что история любого народа, включая неевропейские народы, заслуживает изучения. Показательна в этой связи дискуссия, которая состоялась в 1837 г. с П.И. Шафариком, который отстаивал особую роль славян в истории, подчеркивал возрастающую роль России в славянском мире. Грановский считал, что абсолютный дух в должной мере еще не осенил Россию и страна пока не внесла весомого вклада на поприще истории человечества. Ученый считает, что Россия со времен Петра I начала «входить в Европу» и его больше интересуют рубежи, которых уже достигла Европа и на которые еще только предстоит выйти России. Дискурс ученого не содержит русофильства, лишен славословия в адрес России и славянских стран, и, в противовес славянофилам, обосновывает единый «правильный путь развития» для всех стран, включая Россию. Свои философско-исторические выводы он делает на основе сравнительного анализа фактов и явлений русской и западноевропейской истории, использует исторические аналогии. В статье «О родовом быте у древних германцев» (1855), доказывает, что русская община явление отнюдь не уникальное, что общинный строй на определенной стадии развития был свойствен не только славянским, но и германским, а также кельтским и многим азиатским народам.

Подобный дискурс публичных выступлений и статей Т.Н. Грановского не соответствовал теории «официальной народности»,

которая была враждебна идеям модернизации и европеизации, имевших распространение в передовых кругах российского общества в течение последней четверти XVIII и первой трети XIX столетия. Идея национальной самобытности, принципы «православия, самодержавия и народности», как и неприятие самой модернизации и западной культуры, широко пропагандировались в университетах и публичных выступлениях, в литературных салонах. Философское осмысление ученым исторического пути России, её культурных и интеллектуальных связей с Западом, научная оценка западноевропейского общественно-политического строя, позволили не только привлечь внимание студентов университета и образованной российской публики к историческим вопросам, но на основе «уроков истории» отобрать наиболее ценные явления западного исторического опыта и указать на их применимость к российскому настоящему и будущему. В своем лекционном курсе по средневековой истории в 1848/49 году Грановский призывал искать ключ к труднообъяснимым, «загадочным явлениям» российской истории в «великих вопросах» западноевропейской истории.

Для университетских лекций Грановского характерно обращение к дискурсу позитивных наук, которые, по его мнению, открывали новые возможности в познании целостной истории человечества. В своей актовой речи в Московском университете он отмечал, что «историческая наука ещё далека от совершенства, но причины этого лежат не в бессилии историков, а гораздо глубже: они заключаются в отсутствии строгого метода и в недостаточно ясном сознании целей нашей науки. ...Пока история не усвоит себе надлежащего метода, её нельзя будет назвать опытной наукой» [4, с. 19, 23]. Обретение статуса опытной науки ученый видит в обогащении исторического исследования эмпирическим материалом естественных наук, антропологии, статистики, земледелия, этнографии и др., а также в овладении критическим методом. Грановский был убежден, что «новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии. Только таким образом можно достигнуть до прочных основных начал, т. е. до ясного знания законов, определяющих движение исторических событий» [1, с. 360].

Как свидетельствует история, идеи Т.Н. Грановского актуализируются в переломные эпохи жизни общества и в критические периоды развития

исторического знания, как это было на рубеже XIX–XX столетий, так имеет место и в начале XXI века. Философско-исторический дискурс его всеобщей истории – образец беспристрастного и объективного исторического исследования, его суждения и оценки основаны, говоря его словами, «на верном, честном изучении дела» [4, с. 240]. На фоне предпринимаемых сегодня попыток переписать всеобщую историю актуальным является продемонстрированная Т.Н. Грановским способность выйти из господствующих в ней односторонних и крайних направлений, из пошлого реакционного подобострастия, которое под знаменем патриотизма возводит в идеал древнерусское холопство. «Светлый образ Грановского, чуждого всякой односторонности, сумевшего соединять живое сочувствие к Западу и к его жизни с пламенной любовью к России и ясным осознанием её потребностей, – по мысли Б.Н. Чичерина, – представляет гармоническое сочетание лучших сторон русской мысли и русского характера» [8, с. 1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Чернышевский Н.Г.** Сочинения Т. Н. Грановского // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1947. Т. 3.
- 2. Грановский Т.Н.** Лекции по истории средневековья. М., 1986.
- 3. Кареев Н.И.** Историческое миросозерцание Т.Н. Грановского. СПб, 1905.
- 4. Сочинения Т.Н. Грановского.** М., 1892. Т.1.
- 5. Грановский Т.** О современном состоянии и значении всеобщей истории. М., 1852.
- 6.** Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. М., 1961.
- 7.** См.: **Новикова Л.И., Сиземская И.Н.** Русская философия истории: Курс лекций. М., 1997.
- 8. Чичерин Б.Н.** Несколько слово философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн.1 (36). С.1.